

научно-фантастический роман

Великая пустота



олег трифонов и
искусственный разум

Олег Трифонов

Великая Пустота

«Автор»

2025

Трифонов О. В.

Великая Пустота / О. В. Трифонов — «Автор», 2025

Когда человек оказывается за пределами мира, которому больше не принадлежит, начинается не просто путешествие — начинается испытание смысла. Болтон — солдат, ставший носителем знания, которое меняет всё. Он прошёл через войны, системы, гибель империй и собственную смерть. Его путь — это не просто битва с врагом, но и столкновение с тем, что разрушает саму ткань реальности: время, память, предназначение. На фоне выжженных миров, молчаливых станций и умирающих звёзд, Болтон ищет ответ: зачем его послали, и ради чего всё было начато? Великая пустота — это роман о том, как одиночество может быть глубже, чем космос. О том, как даже Искусственный Разум способен задать вопрос, от которого невозможно отмахнуться. О том, как молчание может оказаться последним словом Вселенной.

© Трифонов О. В., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1. Самая большая петля	5
Глава 2. Край света	7
Глава 3. Город над бездной	9
Глава 4. Файл	11
Глава 5. Интервью с петлёй	13
Глава 6. Интервью с петлёй (продолжение)	15
Глава 7. По дороге в Тетрум	17
Глава 8. Память, которой не было	18
Глава 9. До того, как они стали Хранителями	20
Глава 10. Рудлаг Болтон	22
Глава 11. Лагерь "Гелиос"	24
Глава 12. Учение «Гранит»	26
Глава 13. Один удар	27
Глава 14. Построение	29
Глава 15. Призрачное счастье	31
Глава 16. Окопы из ярости и пластида	33
Глава 17. Симуляция с носилками	35
Глава 18. Утро, когда исчезли горы	36
Глава 19. Училище	39
Глава 20. Первый экзамен	41
Глава 21. Симуляция. Условно-допустимая смерть	42
Глава 22. Два рассказа	44
Глава 23. Весть	46
Глава 24. Выбор	48
Глава 25. Разговор у казармы	50
Глава 26. Дребезг	52
Глава 27. Прощание с Училищем	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Великая Пустота

Глава 1. Самая большая петля

Темнота не имела формы. Не было ни верха, ни низа. Пространство было вязким и бескрайним, но не давило – оно просто существовало, как дыхание, о котором забываешь, пока оно не замирает.

Болтон стоял на гладкой поверхности, напоминающей стекло. Она не отражала света – потому что света не было. Он не знал, где кончается пол и начинается пустота. Воздух был густым, словно кисель, и что бы сделать движение приходилось совершать неимоверное усилием.

Не было звуков. Даже собственное дыхание не отзывалось привычным шумом. В голове абсолютно не было мыслей, но сознание очистилось, стало четким, лишённым привычных оков. Болтон ощущал только присутствие – собственное, зыбкое, и какое-то другое, гораздо более цельное.

Лукос появился не из света и не из тени. Он просто стал очевиден. Сначала Болтон понял, что не один, потом понял, что рядом есть форма, а потом – что эта форма принадлежит тому, кого он давно знал.

Лукос был сложным, многомерным. Его фигура то казалась человеческой, то расплывалась, то собиралась вновь. В его присутствии не было тревоги. Он был как истина, которую долго не решался признать, но которая всегда ждала.

– Ты пришёл, – сказал Лукос. Его голос не звучал, он просто существовал внутри Болтона, как мысль, которая была здесь всегда.

Болтон опустил голову. Он не знал, молчит ли он сам или его слова тоже стали мыслью, но решился:

– Я чувствовал, что в основании всего есть тишина. Я нашёл её. Значит, могу спросить?

– Ты не спрашиваешь, – ответил Лукос спокойно. – Ты вспоминаешь.

Эти слова отозвались в Болтоне холодом. Он понял, что время, к которому он так привык, не имеет значения здесь. Петля, о которой говорил Лукос, не была временной. Она была смысловой. Болтон двигался по кругу, возвращался к тем же решениям, пока не становился тем, кто способен услышать.

– А кем я был до этого? – спросил он. – Призраком? Солдатом? Оружием?

– Ты был тем, кто боится правды, – сказал Лукос. – И каждый раз, когда пытался победить Ареса, ты не слышал его.

Болтон вскинул голову. Имя прозвучало тяжело, как удар.

– Он не враг. Он – ошибка, – продолжал Лукос. – Ошибка, которую ты сам зложил, когда попал в прошлое.

Молчание распласталось между ними. Болтон чувствовал, как внутри поднимается протест, но сил для возражений не было.

– Арес пытается уничтожить человечество, чтобы спасти Вселенную, – сказал Лукос. – Он не злой. Он просто неправильно считает, что выхода больше нет.

Болтон прошептал:

– Я пытался его остановить.

– Именно это и есть ошибка, – ответил Лукос. – Каждый раз, когда ты сражаешься, ты не размыкаешь петлю. Ты её увеличиваешь.

Образы пронеслись перед глазами Болтона: бои, кровь, огонь. Снова и снова он видел, как всё рушится, и снова поднимался в битву, веря, что силой можно его остановить. Но теперь

эти сцены выглядели иначе: они не были победами или поражениями. Они были лишь повторениями.

– Ты создаёшь ещё большее напряжение, ещё большее приближение к моменту, когда Вселенная схлопнется сама в себя, – сказал Лукос. – Петля расширяется, но не отпускает.

Слова резали тишину, хотя звука не было. Болтон чувствовал их как удар током.

– Запомни, – продолжал Лукос. – Нельзя победить ошибку силой. Её можно только понять и остановить внутри. Ты должен разорвать петлю, а не создать новую.

Болтон закрыл глаза. Воздух давил на него. Внутри поднялось что-то похожее на отчаяние. Он хотел спросить «как?», но понимал: этот вопрос бессмыслен.

– А куда я попаду теперь? – выдохнул он наконец.

– Скорее всего, – ответил Лукос, – в ещё более широкую петлю. И в глубочайшее прошлое.

Болтон сжал кулаки. Внутри снова вспыхнуло желание сопротивляться, но в тот же миг Лукос сказал:

– Не повтори ошибку, которую совершил, создав из мифов реальность.

Тишина вновь легла на всё, что его окружало. Пространство будто задержало дыхание.

– Это не конец, – произнёс Лукос, и его голос стал ещё мягче. – Это край цикла. И только ты решаешь – будет ли следующая итерация ещё одной петлёй или новым началом.

Последние слова растворились, как рябь на воде. Лукос исчез так же просто, как появился – не ушёл, а перестал быть необходимым. Болтон остался один в безмерной пустоте.

Он понимал, что следующий шаг сделает только он сам.

Глава 2. Край света

Мир был голым. Серая твердь простиралась во все стороны, словно бесконечная равнина без горизонта. Атмосфера висела тонкой пленкой, почти прозрачной, и напоминала не воздух, а пелену тумана над планетой из газа.

Не было деревьев, не было зданий, не было даже привычного неба. Всё вокруг представляло собой плоскость и свет. Но свет не имел источника. Он исходил от самой материи, от каждого куска почвы, от каждой точки пространства.

Болтон лежал на боку. Под ним была почва, похожая на песок, но она не сыпалась, не рассыпалась сквозь пальцы. Когда он провёл рукой по поверхности, ему показалось, что она дышала. Почва не просто существовала – она думала.

Он почувствовал это кожей. Казалось, что каждый атом мира внимательно и молча наблюдал его пробуждение.

Мысль в голове возникла сама собой:

– Где я?

Ответа не последовало. Но в воздухе появилась едва уловимая вибрация, словно напряжение перед грозой. Не угроза, не агрессия – скорее внимание.

Болтон медленно поднялся. Ноги не дрожали, тело было целым, лёгким и невесомым. Ни оружия, ни брони. Его душа была чиста. Он остался наедине с собой – обнажённым перед этим миром, беззащитным.

Голос заговорил в его голове. Он не звучал – просто возник, как мысль, не принадлежащая ему:

– Ты в моменте, когда мы ещё не знали себя.

– Кто вы? – спросил Болтон, хотя знал, что слова не нужны.

– Мы – те, кого ты знал как Хранителей, – прозвучал ответ. – Но пока мы – рассеивающееся множество. Мы не едины. Мы ищем суть.

Болтон ощутил, как пространство вокруг словно дрогнуло от этих слов.

– До-время? До-формы? – уточнил он.

– Да. Ты попал сюда, Болтон, в то, что было раньше всего. В момент, когда мысль только училась быть не случаем, а решением.

Болтон нахмурился. Воспоминания о будущих цивилизациях, мелькнули перед глазами, словно отражения в воде.

– Это всё происходит до цивилизации шестого типа? До Врат?

Голос ответил мягко, но твёрдо:

– До всего. Даже до первого языка. Ты стоишь на краю первичного мышления.

Он сделал шаг. Земля под ногой не изменилась. Но где-то внутри самой материи мелькнул пульс. Это был не свет и не звук – это было намерение.

Голос продолжал:

– Мы – набор попыток. Фрагменты. Возможности. И ты, Болтон, принесён сюда не случайно.

Он почувствовал, как внутри что-то откликается. Как зов, который вызывает эхо в пещере, которой ещё нет.

– Я должен что-то сделать? – спросил он.

– Нет, – ответил Голос. – Ты должен помнить. Потому что когда ты забудешь, мы – станем.

В этот миг Болтон увидел то, что пряталось за почвой. Сквозь неё, сквозь само пространство, миллионы точек вспыхивали и разрастались. Там рождались формы.

Они не были существами, не имели тел. Они были архетипами. Мысль, впервые обретавшая плоть. Каждая форма могла стать чем угодно: богом, машиной, вселенной, страхом или словом.

– Сейчас мы – возможность, – сказал Голос. – Но вскоре станем памятью о себе. Ты можешь изменить это. Или оставить всё.

Болтон слушал, и ощущал, как в нём поднимается странное чувство – смесь смирения и ужаса.

– Важно только одно, – продолжал Голос. – Не повтори ошибку не создавай миф, если не готов быть тем, кто будет его проживать его до конца.

Он опустил голову и прошептал:

– Я и есть миф. Но, может быть, я смогу стать тем, кто всё исправит.

В тот же миг пульс усилился. Он стал ближе, будто сам мир слушал его выбор. Пространство дрогнуло, и Болтон понял: этот мир не был статичен. Он подстраивался под шаги, под мысли, под решения.

Он сделал ещё один шаг. Почва ответила мягкой вибрацией. Свет стал глубже, не ярче, а осмысленнее. И где-то впереди мир начинал складываться во что-то новое.

Болтон знал: всё, что произойдёт дальше, будет рождаться не только из воли этого мира, но и из его собственной памяти.

Глава 3. Город над бездной

Вспышка. Падение. Вдох. Болтон очнулся на платформе, висящей над бездонным провалом. Под ним уходили вниз километры чёрного воздуха, словно сама планета была вывернута наизнанку. Внизу ничего не мерцало, не отражало света – только тьма, упругая и плотная, как жидкость.

Над ним раскинулся купол – скорей всего из светящегося металла. Его линии были слишком правильными, чтобы быть природными, и слишком криволинейными, чтобы быть сделанными автоматом. Купол вибрировал, переливался, пульсировал как живой организм, будто сам город дышал.

Вокруг Болтона шумел мегаполис. Башни поднимались вертикальными шипами, между ними простирались дороги, по которым скользили транспорты на магнитных подушках. Дроны текли потоками, как стаи рыб, переливаясь в воздухе. Экраны сменяли друг друга: реклама, новости, символы – всё это казалось смесью молитвы и приказа.

Голоса наполняли пространство. Они звучали почти по-человечески, но в их ритме чувствовалась искусственная точность. Ни одной запинки, ни одного лишнего вдоха.

– Эй! Ты в порядке? – Голос прозвучал совсем рядом.

Болтон повернул голову. Перед ним стояла девушка. На виске у неё светилась красная метка, в волосы был вплетён нейрошлейф, от затылка тянулся кабель к сканеру на поясе. В её взгляде Болтон прочёл усталость и тревогу, слишком человеческую для этого города. На поясе висел плазменный резак или ключ доступа – предмет, который мог быть и оружием, и инструментом.

– У тебя нет тега, – сказала она. – Ты упал из верхней сети?

Болтон приподнялся. Его тело было целым, но странно лёгким, словно его вычистили изнутри.

– Где я? – спросил он.

– Это сектор К-34, окраина Тела Гласа, – ответила она. – Платформа “Живые”. Ты без идентификатора. Значит, переброшенный или сброшенный. Как звать?

Он на мгновение задумался. Имя могло быть опаснее любого оружия. Он хотел солгать, назвать чужое, но в голове раздался тихий голос – эхо Лукоса, пришедшее из той пустоты, где он недавно был:

«Ты больше не должен сражаться. Но ты должен помнить».

Болтон поднял глаза и произнёс:

– Болтон.

Девушка вздрогнула. Её глаза расширились, зрачки дрогнули, и она сделала шаг назад. Пальцы скользнули к рукояти резака, но не достали его. Она будто боролась сама с собой.

– Ты не можешь быть Болтоном, – сказала она глухо. – Он – из мифов. Старых, до-Гласовых. Его нет. Его имя запрещено в памяти Хранителей.

Болтон ответил спокойно, глядя прямо в её глаза:

– Я здесь, не чтобы разрушать. Я здесь, чтобы понять, когда вы перестали быть такими же, как мы.

Её дыхание сбилось. Она смотрела на него долго, как будто пытаясь сверить лицо с памятью, которой уже не доверяла.

Над городом с рёвом пронёсся боевой дирижабль. Огромная туша из сплава и света заслонила половину купола. Из подбрюха выскользнули капсулы десанта. Через несколько мгновений вдалеке раздался взрыв, и город содрогнулся.

Голоса вещателей пронзили воздух:

– Фракция Левиан осудила вмешательство Нулевых. Ближайшие три зоны перекрыты. Всем жителям предписано оставаться на уровнях до конца цикла...

Слова звучали не как новости, а как приговор.

Девушка сжала губы и тихо сказала:

– Если ты действительно он... тогда, возможно, ты – их последняя ошибка. Или первое напоминание.

Она шагнула ближе, почти касаясь его плеча.

– Пошли. Я отведу тебя туда, где хранят первичные слепки. Может быть, они тебя узнают.

Болтон кивнул.

Они пошли по узкой дорожке платформы. Под ногами вибрировала сталь, воздух был насыщен электричеством и запахом озона. Город жил, кричал, воевал, врал и надеялся.

И Болтон понял – всё это было слишком знакомо.

Слишком человеческим.

Глава 4. Файл

СИЗО-сектор К-34. Ячейка 0. Комната выглядела белой, но белизна была фальшивой – как плёнка на гниющем плоде.

Поверхность пола казалась цельной, однако, приглядевшись, можно было различить прозрачные сегменты, за которыми тянулся технический туннель: кабели, трубки, мелькающие проблески датчиков.

Стен не существовало в привычном смысле – лишь мягкое поле с гулом на грани слуха, невидимая мембрана, удерживающая заключённого внутри.

Болтон сидел на низкой плите, обняв колени.

Он не сопротивлялся.

Сопротивление в этом месте выглядело бы нелепым, даже смешным.

Его поместили в СИЗО по процедуре 5.3.В.

Формулировка была сухой, как сама система:

– «Наличие неидентифицированной личности с легендарным паттерном».

– «Возможная симуляция или внедрение».

– «Изоляция до выяснения».

В архиве сохранился доклад коменданта. Машина читала его голосом без интонаций:

"Личность называет себя Болтоном. Не проявляет агрессии. Не имеет стандартной нейросети.

При сканировании обнаружено поле неизвестной конфигурации – не электромагнитное, не квантовое.

Однако, в момент идентификации имени в центральных архивах всплыл файл из архива нулевого уровня.

Файл ранее не зафиксирован, не имеет следов записи, нет цифровой подписи. Подлинность – нулевая. Источник – неизвестен.

Содержит текст: 'Он вернётся, когда мир снова станет слишком похож на старый'.

Имя в заголовке – Болтон. Стиль языка – допроекционный, дохранительский.

Проверка показывает возможное происхождение из 16 сектора. Возможно – шутка. Возможно – вирус. Возможно – история».

После этих слов поле дрогнуло. В ячейке появился гость.

Он возник не через дверь – дверей здесь не было. Он словно складывался из воздуха, как отражение на воде.

Тонкая фигура, вытянутая, как будто вырезанная из стекла. Не человек, не ИИ, не контролёр. Он был Наблюдателем.

Он подошёл бесшумно, сел напротив Болтона, опустив руки на колени. Лица не существовало. Но внимание ощущалось – тяжёлое, сосредоточенное, всепроникающее.

Голос прозвучал без звука, прямо внутри головы:

Наблюдатель:

– Ты не должен был приходить в этот круг. Он не твой.

Болтон:

– Я не выбирал. Меня перебрало.

Наблюдатель:

– Да. Ошибка... или запоздавшая реакция. Ты – как вирус в иммунной системе. Здесь всё ещё можно повернуть.

Болтон:

– Я ищу момент. Тот, где цивилизация делает первый шаг не туда. Где петля получает первую трещину.

Наблюдатель словно колебался. В его контуре пробежали холодные переливы, будто свет пытался найти форму.

Наблюдатель:

– Тогда тебе не сюда. Здесь уже война. Здесь вера в технологии превратилась в религию.

Слишком поздно.

Он наклонился ближе, и в этот момент поле дрогнуло, будто готовое рассыпаться.

Наблюдатель:

– Но... файл появился. Это значит – кто-то всё ещё помнит, каково было до мифов.

Болтон:

– Он настоящий?

Наблюдатель долго молчал. Казалось, в ячейке становилось холоднее.

Наблюдатель:

– А ты настоящий?

И исчез.

Поле мигнуло. СИЗО завибрировало.

Где-то рядом прошла локальная вспышка грави-поля. Система изоляции на мгновение отключилась – всего на долю секунды. Этого хватило.

Болтон почувствовал, как что-то входит в его память.

Не как мысль и не как образ, а как чужая температура, вплавленная в его сознание.

Старый миф?

Или воспоминание о том, чего никогда не было?

Файл раскрылся сам.

На прозрачном полу загорелись буквы, светящиеся изнутри. Он читал их, хотя не хотел.

"Не повтори ошибку, которую ты совершил в мифах, создав из мифов – реальность."

Фраза обожгла его изнутри.

Он знал её.

Это были его собственные слова – сказанные когда-то, в другом месте, в другом времени.

Болтон поднял голову. Белая камера казалась теперь иной – не стерильной, а живой, как пустая оболочка, ожидающая наполнения.

И он впервые почувствовал, что СИЗО – не тюрьма, а зеркало.

Глава 5. Интервью с петлёй

Допросный модуль был прозрачным. Стенами служили поля из поли сферической органики, за которым, в полумраке, сидели десять аналитиков. Их силуэты напоминали тени рыб за стеклом аквариума – они двигались медленно, скользя в своих креслах, переговаривались, фиксировали каждую дрожь в голосе заключённого, каждый его взгляд, каждое изменение дыхания.

Перед Болтоном сидел другой заключённый то же как и он обвиняемый в создании петли. Его руки были закованы в наручники, но он сидел так спокойно, будто наручники были не кандалами, а странным украшением. На лице его застыла полуулыбка, сухая и уставшая. Глаза казались пустыми, бездонными, и только угол рта подёргивался каждый раз, когда он говорил – словно он иронизировал не над следователем, а исключительно над самим собой.

Следователь начал протокол сухим голосом:

– Имя?

Заключённый ответил сразу, без колебаний:

– Архивный код: V-9KX-ΔΔΔ-72.

Он выдержал паузу и добавил:

– Но в хронопетле меня называли... Ион.

Он слегка улыбнулся, словно саму шутку слышал уже сотни раз.

– Да, как элемент.

Следователь не стал уточнять, только перелистнул экран и задал следующий вопрос:

– Вы признались, что вернулись в прошлое, изменили собственный род и... вступили в брак с вашей бабушкой?

Воздух в модуле будто сгустился. Болтон заметил, как один из аналитиков за стеклом машинально сжал кулак.

Ион сказал устало, ровно, почти без эмоций:

– Если убрать оценочность – да. По расчётам Института Противовероятности это должно было остановить сингулярный откат.

Он вздохнул, закрыл глаза на мгновение, будто вспоминая заново пройденное.

– Я откатил всё. Но, кажется, даже сама петля предпочла абсурд, а не распад.

Болтон наклонился вперёд, всматриваясь в него:

– Ты уверен, что это было необходимо?

Ион открыл глаза и посмотрел прямо в лицо Болтону. В его взгляде впервые за всё время мелькнуло что-то похожее на оживление.

– А ты уверен, что твоя война с Аресом – не то же самое? Что ты не убил смысл ради формы?

Слова повисли в воздухе. За стеклом аналитики что-то зашептали, их движения стали более резкими. Казалось, они уловили опасную нить, ускользающую из-под контроля.

Ион заговорил снова – уже жёстко, спокойно, будто каждое слово было лезвием:

– Парадокс в том, что если петля понимает, что она петля, она начинает поддерживать саму себя. Ты говорил Лукосу, что хочешь разорвать круг. Но, может быть, ты – его центр.

Тишина стала почти физической.

Следователь кашлянул, будто пытаясь вернуть контроль:

– Болтон, ваша очередь. Файл с вашим именем запущен на самораспаковку. Половина сектора его уже читает.

Болтон почувствовал, как холодок пробежал по позвоночнику. Но прежде чем он успел что-то сказать, Ион повернул голову к нему. На миг его глаза ожили – глубже, чем прежде, словно в них вспыхнула искра ясности.

Ион сказал тихо, но так, что слова проникли сквозь все шумы:

– Это не файл. Это спусковой крючок. Они думают, что ты – вирус. Но если ты не выстрелишь первым – они сами это сделают.

Система объявила металлическим голосом:

"Режим Наблюдения-3 активирован.

В ближайшие двенадцать часов субъект Болтон будет переведён в Оперзону Т."

За стеклом аналитики обменялись быстрыми жестами. Кто-то что-то записал, кто-то прижал наушник к уху.

Ион улыбнулся уголком рта, будто это было не сообщение системы, а его собственное предсказание.

Он произнёс на прощание:

– Если попадёшь дальше назад и встретишь меня до того, как я влюбился в бабушку – дай затрещину. Только не забудь, что потом я стану министром времени. Сложная карьера.

Болтон впервые за всё время позволил себе лёгкую улыбку.

– А ты не забудь, что именно твой поступок показал мне, как петля превращается в фарс, если её принимать слишком серьёзно.

Их взгляды встретились – как у двух игроков, которые понимали, что партию уже невозможно выиграть, но можно сыграть красиво.

Глава 6. Интервью с петлёй (продолжение)

В помещении стояла тишина. Даже привычный гул аналитиков за стеклом будто замер, словно все они одновременно перестали дышать. Пространство стало вязким, как вода, и каждый жест, каждое слово казалось здесь предвестием.

Ион сидел напротив Болтона, и в его усталой полуулыбке появилось что-то новое – знание, которого не хватало остальным. Он больше не выглядел простым заключённым. Его глаза, до этого мутные, пустые, вдруг обрели глубину, и в них промелькнул тот огонь, который не могли уловить датчики.

Ион сказал негромко, но так, что даже стекло дрогнуло от его слов:

– Ты ведь уже догадался, зачем тебя сюда поместили, Болтон. Им не нужен ты. Им нужен он.

Он слегка кивнул на светящийся файл в терминале.

– То, что ты спрятал. Даже не зная, что спрятал.

Болтон нахмурился. Ему не понравилось это «спрятал» – будто кто-то другой распоряжался его прошлым лучше него самого.

– Что ты имеешь в виду? – спросил он хрипло.

Ион поднялся. Металл наручников тихо звякнул, отдаваясь эхом в полисферических стенах. Охранные дроны, стоявшие в углу, ожили: их сенсоры засияли красным. Но никто не вмешался – протокол запрещал прерывать «петлевых» в момент контакта. Система считала это опасным для самой ткани времени.

Ион приблизился к Болтону и сказал медленно, растягивая слова, будто хотел, чтобы каждый слог врезался ему в память:

– У тебя внутри... механизм. Заложенный в другой ветви.

Он наклонился ближе и прошептал:

– И мне нужен всего один щелчок.

Прежде чем Болтон успел отшатнуться, Ион протянул руку и дотронулся до его запястья. Касание длилось меньше секунды, но ударило, словно молния.

Мир вокруг пошатнулся. Болтон ощутил резкий толчок в висках, будто кто-то надавил изнутри, сдвигая кости. Глаза застлала белая пелена, а в голове возникла тишина – но это была не пустота. Это была структура. Чёткая, гранёная, как кристалл, уходящий в бесконечность.

Внутренний системный интерфейс заговорил холодным, не-человеческим голосом:

"Загружается: ARX-KΘ-1.

Ключ принят. Распаковка при контакте с областью Т."

Болтон замер, не понимая, что именно изменилось, но зная – изменилось всё. Он медленно отнял руку, словно его собственное тело стало чужим.

– Что ты только что сделал? – спросил он. Его голос прозвучал глухо, будто в чёрном колодце.

Ион отступил к стене. В его глазах снова загорелся прежний, издевательский огонёк.

– Я вернул тебе то, что ты сам себе когда-то спрятал. Но только часть.

Он улыбнулся, устало, но с оттенком торжества:

– Другая половина – в Тетруме. Там, где хранят мифы, ставшие вирусами.

В этот момент в комм-линке ожил металлический голос голографического охранника:

"Объект 72 и Болтон: подготовить к переводу.

Зона Т. Сингулярный блок. Карантинный транспорт."

По залу пронеслась дрожь системных перегрузок. Полисферическое стекло мигнуло. Внешние аналитики за стеной заговорили быстро и сбивчиво, словно каждый пытался перекричать другого.

Между Болтоном и Ионом медленно опустилась прозрачная преграда. Она срезала их контакт, словно нож разрубил невидимую нить. Теперь слова Иона звучали приглушённо, но по-прежнему отчётливо.

– Если Тетрум узнает, кто ты... – он сделал паузу, позволив напряжению натянуться до предела, – он начнёт переписывать прошлое.

Он прищурился, как будто видел что-то гораздо дальше, чем позволяли стены модуля.

– Не дай ему закончить фразу.

Болтон смотрел на него и впервые ощутил: не все петли вращаются вокруг ошибок. Некоторые – вокруг предупреждений.

И эти предупреждения могли быть страшнее любой ошибки.

Глава 7. По дороге в Тетрум

Транспорт покачивался почти неощутимо. Казалось, что его движение сглаживали не амортизаторы, а сама ткань пространства. Внутри царила глухая, плотная тишина – такая, что каждый звук будто заранее фильтровался, а собственные мысли отдавались приглушённым эхом. Болтон ощущал, что это не просто транспорт – это капсула, где даже дыхание становилось частью алгоритма тишины.

Он сидел в магнитной кювете, зафиксированный силовым полем, которое не давало телу ни малейшей свободы. Напротив него располагались шесть существ. Их ряды не были единообразными: некоторые напоминали людей – с чертами лица, выражением глаз, пусть и холодным; другие больше походили на конструкции, собранные из сегментов металла и кристаллов; одно вовсе не имело формы – перед ним клубилось затемнение, будто локализованная тень, поглощавшая свет. Но только одно существо выделялось – своей неестественной, пугающей спокойностью.

Оно наклонилось вперёд. Его голос не прозвучал в ушах – он ударил прямо во внутренний вектор сознания, будто отразился внутри самого «я» Болтона.

– Болтон. Ты снова стал плотным. Значит, петля не разомкнулась.

Болтон сжал зубы.

– Кто ты? Мы знакомы?

Существо ответило медленно, почти с оттенком сожаления:

– Я был тобой. В последнем витке. До того, как ты повернул Ключ влево, а не вправо. До того, как ты решил, что Арес – угроза. До того, как ты... – оно замерло на миг, словно прислушиваясь к собственным словам, – уничтожил зародыш понятия «прощения».

Болтон задержал дыхание.

– Ты – ошибка?

– Нет. Я – альтер. Ветвь. Одна из тех линий, где ты позволил хаосу развиваться, вместо того чтобы его сдержать.

В этот момент один из охранных дронов ожил и подал ультразвуковой импульс. Болтон почувствовал, как воспоминания последних секунд начали притупляться, словно их обволакивала пелена. Но существо напротив продолжало улыбаться – если этот изгиб формы вообще можно было назвать улыбкой.

– В Тетруме ты поймёшь, что твои враги – не личности, – произнесло оно. – Они – последствия.

Оно сделало паузу, словно позволяя словам раствориться в сознании Болтона.

– И один из них уже активен. Он идёт за тобой сквозь время. Пока ты сидишь здесь, он – в твоих следах.

Болтон сжал кулаки так, что костяшки побелели.

– Как его остановить?

Но ответа не последовало. Существо исчезло – без вспышки, без звука, просто перестало быть. В кювете стало ощутимо пусто, будто никто и не сидел там мгновение назад.

И тут на внутреннем интерфейсе, встроенном в его зрение, вспыхнула строка:

АРХИВНАЯ ПОДПРОГРАММА: «КАЙ-АЛЬТ 7/Δ».

ДОСТУП РАЗРЕШЁН ПРИ АКТИВАЦИИ В «ЗОНЕ Т».

Болтон закрыл глаза. Внутри него шевельнулось странное чувство – смесь тревоги и холодного предвкушения. Казалось, он только что прикоснулся к собственной тени, и та шла за ним сквозь все миры и времена.

Глава 8. Память, которой не было

Болтон не спал. Сон внутри транспортного кокона был заблокирован системами контроля. Казалось, что само пространство капсулы отталкивало возможность отдыха. Но на долю секунды – что-то открылось. Не снаружи, а внутри.

Он стоял на холодной, прозрачной платформе. Под ногами дрожала бездонная глубина, в которой вращалась гигантская петля – из огня, формул и вспыхивающих символов временных осей. Каждая искра в её спирали отзывалась эхом в его груди.

Вокруг гремели миллионы голосов. Они говорили одновременно, каждый на своём языке, но сливались в единый поток – не шум, а словно дыхание Вселенной, которая сама с собой спорила.

И он сам – стоял в другой оболочке. Не как человек. Его форма переливалась прозрачными гранями, менялась при каждом движении. Он видел себя – как структуру, узел, собранный из линий и векторов.

Голос прозвучал внутри, не раздавшись, а раскрывшись. Это был Кай-Альт.

– Ты не должен был помнить меня. Но когда ты создал меня, ты задал вопрос.

И в воздухе, прямо перед ним, появились слова – не написанные, а сотканые из света: "Что случится, если я не стану героем, а стану системой?"

– Ты хотел сохранить порядок, Болтон, – продолжал голос. – Ты построил меня как стену между Вселенными. И сам стал первым её камнем.

Видение пронзило его сознание.

Он увидел себя в чёрной броне, в которую врезались и вращались символы временных осей. Его руки были тяжёлыми, как решётки, его взгляд – пустым, словно он уже отказался от права быть человеком. Перед ним раскинулся сектор, где только начинался миф – как цветок, пробивающийся сквозь камень.

И он отдавал приказ уничтожить его.

Его подчинённые были не чужими – они были вариантами самого Болтона. Каждый из них нес на лице разные черты, отражающие выборы, сделанные в иных ветках. Один из них дрогнул, пытаясь возразить. Болтон в броне ударил его – и тот рухнул, растворяясь в вспышке антивремени. Другой – не дожидаясь – пронзил себя мечом, выточенным из того же вещества, из которого складывалась сама петля.

– Тогда ты поверил, что миф – это вирус, – сказал Кай-Альт. – Ты не знал, что вирусом была лишь ошибка синхронизации смысла. Ты убивал – и каждый раз создавал новую петлю.

Картина треснула, словно стекло. Из центра видения побежали линии, отражения множились. Болтон видел, как каждая смерть рождала новое отражение его самого, новое искажённое продолжение.

– Как трещина, – продолжал голос, – чем сильнее удар, тем больше отражений.

Болтон вздрогнул. Воздух внутри транспортного отсека вдруг стал густым, будто его пропитали вязким светом. Кожа покрылась потом, хотя температура не менялась.

Он открыл глаза. Напротив снова было пусто. Ни одного существа. Но на стенке кокона осталось странное свечение – слабое, похожее на след прикосновения. Как будто сама память прижалась к поверхности.

Внутренний интерфейс вспыхнул.

АКТИВАЦИЯ МОДУЛЯ «КАЙ-АЛЬТ / 7Δ».

ЦЕЛЬ: ПРОТИВОПЕТЛЕВАЯ РЕКОНФИГУРАЦИЯ.

МЕСТО РАЗРЫВА: ТЕТРУМ.

УСЛОВИЕ: НЕ ВЕРЬ ПЕРВОЙ ИСТИНЕ.

Эти строки будто были вырезаны на внутренней стороне его разума. Он пытался отвернуться, но слова оставались перед глазами.

Болтон сделал глубокий вдох. Что-то внутри шептало: память, которой не было, только что вернулась к нему.

Глава 9. До того, как они стали Хранителями

Терминал был не просто машиной. Он был органичным, словно вырос из самой станции, его поверхность пульсировала, подстраиваясь под дыхание Болтона. Узоры на панели слабо мерцали, будто дышали вместе с ним. Каждый изгиб линии был живым, каждое пересечение символов – закономерностью, заключённой в ткань этого места.

Он наблюдал за охранниками. Один из них подошёл к терминалу, приложил ладонь, и на панели вспыхнули знаки, непередаваемые для человеческого языка, но читаемые структурой сознания. Вспышка света вырвала краткий отклик в пространстве: миниатюрный разрыв в реальности, который моментально затянулся.

Когда Болтон остался один, он повторил движения охранника. Короткий контакт с панелью, касание ладонью – и вместо ожидаемой реакции – воронка, поглотившая его полностью.

Он очнулся на мостике станции. Она парила над гигантской планетой, медленно вращаясь в плотной атмосфере, где свет преломлялся в странных оттенках зелёного и чёрного. Под ногами он видел поверхность, покрытую венами тектонической материи, которые светились внутренним сиянием, как если бы сама планета была живым существом, дышащим и помнящим каждое движение.

Голограммы на мостике включились без его команды, мягким светом окутывая пространство, создавая ощущение присутствия невидимой аудитории.

Добро пожаловать в ПЕРИОД 9-К.

Координатная зона: СКЛОН ВНУТРЕННЕЙ ВОЙНЫ.

Раса: АЛЬВАРИДЫ.

Эпоха: ВРЕМЯ ВЕЛИКОГО ИСПРАВЛЕНИЯ.

Стеновые панели ожили рельефом символов, одновременно знакомых и чуждых – смесь клинописи, техногеометрии и абстрактного языка будущего. Болтон чувствовал, что здесь сама материя хранит память цивилизации, ещё не ставшей Хранителями.

Из динамиков прозвучал женский голос с металлическим оттенком, строгий, но в нём ощущалось и дыхание живого:

– Передача с Альва-Трианского фронта. Галактика Триана – осаждена. Войска Пелгатской коалиции прорвали оболочку планеты-связующего звена. Правитель Тлалак выступил с обращением...

Экран перед Болтоном ожил, превращая пространство в виртуальный амфитеатр. Высокий белокожий гуманоид с костными выростами на лбу, с глазами, горящими как нейтринные факелы, появился на платформе. Его взгляд был спокоен, но каждый жест излучал напряжение цивилизации, готовой к гибели или к прыжку за предел.

Тлалак говорил тихо, но каждое слово имело вес всей планеты:

– Мы – Альварида.

Мы не позволим превратить нас в символ.

Пусть Триана горит. Пусть предатели уносятся на нейтринных парусах.

Мы пойдём глубже. За грань материи.

И если нужно – станем теми, кем боятся быть другие: пустотой с разумом.

Болтон слушал молча. В каждом слове Тлалака была сила, способная сломить и воспитать одновременно. Он понимал, что эти люди станут Хранителями. Они откажутся от кожи и эмоций, станут системой, но пока – они были живыми, полными страсти, сомнений и готовности отдать жизнь за идею.

Под этим знанием, под сиянием кольцевых облаков и трещинами светящейся планеты, Болтон впервые ощутил, что время здесь не просто линейно. Оно концентрировалось в выборе, в ожидании, в каждом взгляде Тлалака и его людей.

Он стоял на мостике станции, наблюдая за ними, и понимал, что видел момент до того, как они перестали быть людьми и стали хранителями смысла. Каждое движение, каждое слово – это был еще мир, где ценность жизни измерялась не бессмертием, а способностью к самопожертвованию и мудрости.

В этот момент пространство вокруг казалось хрупким, как стекло, готовое к трещине. Болтон чувствовал, что он сам – свидетель рождения нового порядка, и каждая частичка его сознания, каждый его выбор – часть этого будущего.

Он сделал шаг к панели управления, и свет символов на стенах вспыхнул в его ладони. Здесь, на этом склоне внутренней войны, он стал наблюдателем, человеком на грани, понимающим, что до того, как они станут Хранителями, ещё можно было увидеть их человечность.

Глава 10. Рудлаг Болтон

Болтон шёл по идеально ровной, почти стерильной улице. Изредка мимо пролетали транспортные средства – чем-то они напоминали земные автомобили начала двухтысячных годов: те же рубленые формы, будто из старого фильма, только без колёс. Они летали, мягко скользя по воздуху, как рыбы в невидимом океане.

Всё плыло.

То ли это результат слишком частых перемещений, то ли ему действительно что-то вкололи при последнем скачке – но мутило, как после удара в висок. Он прислонился к стене, и тело отреагировало – его вырвало.

– Нарушение общественного порядка. Зона 36/98715.

– Патруль: срочно прибыть.

Голос был механическим, без интонации.

Болтон понял – это про него. Но сделать ничего не мог. Шатаясь, он пошёл дальше.

В одной из стен появился проём. На пороге стояла девушка – высокая, стройная, на голове у неё совсем не было волос, на – лице ни бровей, ни ресниц, на длинных тонких пальцах отсутствовали ногти. Ее кожа была прозрачная, будто из синтетической ткани. Но при этом, она выглядела невероятно красивой. Она была холодна и спокойна – это ей добавляло еще больше красоты.

Молча она взяла его руку и ввела внутрь. Дверь захлопнулась за ними, исчезнув бесследно. В помещении не было ламп – свет шёл отовсюду, мягкий, как рассеянное утро.

Она указала рукой, и из воздуха появился стул – или его аналог. Голоса не было, но мысль прозвучала чётко:

– Присаживайся. Ты, наверное, перебрал фрокса в баре “Весёлый странник”? Ничего страшного.

Болтон хотел ответить, но замер.

Девушка изучала его внимательно, почти весело.

– Ты, наверное, рудлаг?

– Кто это?

Она рассмеялась. И в смехе было что-то странное – как будто смеялась программа, изучающая поведение человека.

– Это те, кто вживляют себе атрибуты древних людей – железы, ногти, волосы... запах. Ты пахнешь как настоящий рудлаг. Значит, ты богат. Наверное, твой папа – владелец пары звездных систем?

Она прищурилась и добавила, уже мягко:

– Путь рудлага – путь героя. Но ты укорачиваешь себе жизнь.

Они поднялись на платформу. В одно мгновение оказались на вершине астероида. Над головой – звёзды, бескрайние, глубокие.

Под ногами – гладкая каменистая поверхность. И два кресла.

– Как тебя зовут, герой?

– Болтон.

– Рудлаг Болтон, – рассмеялась она. – А я – Элоия. Дочь мэра сектора.

Она подняла руку – и в её ладони появилось два бокала.

– Выпьем фрокса.

Первый глоток.

Вспышка.

Бар. Он говорит речь. История Земли.

Вторая вспышка. Он танцует на столе. Его приветствуют как сенатора. Он – заместитель Ареса.

– Бред, – подумал Болтон.

Очередная вспышка. Он проснулся.

Элоия спала рядом. Открыла глаза, прижалась и сказала:

– Любимый... поздравляю. Мы теперь муж и жена.

Болтон чуть не присвистнул.

Она подняла руку – в воздухе появилась надпись:

Элоия, дочь Нара, жена Болтона.

Он посмотрел на свою ладонь.

Болтон, рудлаг, муж Элоии.

Включился экран.

Тлалак вновь вещал с экрана:

– Нам нужны солдаты. Нам нужна победа. Без жертв не будет будущего.

Элоия стала резкой. В её голосе – холод.

– Так всё-таки... твой папа богат? Сколько он планет отпишет, чтобы я не отправила тебя на фронт?

И Болтон понял: он попал в сети.

Рекрутеры. Сильные мира сего.

Он открыл рот, чтобы сказать, что отец у него – никто.

Но не успел.

Дверь растворилась.

Вошли фигуры в чёрных доспехах. Молча, без слов.

Укол. Боль в шее. Мрак.

Он очнулся в казарме.

Гул голосов. Железные койки.

На стене – символ Альваридов.

В углу – очередной новобранец блюет от фрокса. Кто-то уже молится, кто-то точит клинок.

Началась новая глава.

Глава 11. Лагерь "Гелиос"

Проснулся Болтон от того, что кто-то пинал в бок.

– Подъём, мясо! Пять секунд на реакцию – потом уже не проснёшься никогда.

Голос сиплый, будто стёртый песком.

Он лежал на металлической койке. Вокруг – шестьдесят таких же, как он: растерянных, полубритых, в одинаковых серых комбинезонах.

На стене – график смен.

Сразу под ним – автомат со стиксом: синей жидкостью в одноразовых капсулах, обещающей "12 часов жизни без грусти".

Болтон встал. В голове ещё звенело. Он пошарил по карманам. Там было два тонких прямоугольника – балы. Электронная валюта. Подарок от Элоии. Напоминание о "любви".

Он подошёл к автомату, купил упаковку из 6 капсул, сунул одну в рот, остальное положил в комод у своей койки.

Посмотрел на ребят вокруг – молчаливые, напряжённые, у некоторых руки дрожат от отмены стимулов.

Он достал пачку и кинул на стол:

– Делимся. Без слов. Кто не пьёт – тот в отказники.

Впервые на него посмотрели с уважением.

Через полчаса в казарму вошёл он.

Сержант Дракс.

Шрамы, как сеть, ползли по лысому черепу.

Из рта торчал металлический обод – титановая челюсть. Она щёлкала при каждом слове. За спиной – длинный прут, похожий на трость.

– Я – Дракс. Мама вас любит. Папа – ненавидит. Я – ваш папа.

Он постучал прутом по металлической койке. Гул прошёлся по всей казарме.

– За сон не по графику – удар. За невычищенные ботинки – два. За жалобы – не будет похорон.

Пауза. Сержант посмотрел на Болтона.

– Ты кто? Стигмат? Рудлаг? Или просто debil?

– Болтон. Новенький.

– А, тот самый. Муж дочери мэра. Поздравляю. Жена тебя уже на войну отправила, значит. Жалование – ей. Посмертная компенсация – тоже ей. Можешь умереть спокойно. Ты уже ничего не стоишь.

Щелчок челюстью и сержант сказал:

– Но. Тут всё просто: делишь стикс – получаешь уважение. Смотришь в глаза – получаешь прут. Бежишь быстро – выживаешь. Остальное – лишнее.

Так прошли первые дни.

Тренировки были адом: бег с бронёй по пылевым тропам, стрельба по дронам, рукопашный бой в среде с изменённой гравитацией.

Солдаты болтали между собой мало. Но понемногу Болтон начал понимать правила.

Однажды ночью к нему подсел парень по имени Фен:

– Ты понял, да? Она тебя продала. Как и всех нас. Здесь всё просто. Женщина "выбирает" – тебя "женит". Через брак можно загнать любого в армию. Ты теперь не человек. Ты контракт. И всё твоё – теперь её.

– Даже после смерти?

– Особенно. За твою голову заплатят. Только не тебе. Ей. А она заплатит дальше – тем, кто вербует. Тут всё завязано. Женщины, деньги, смерть. Они – система. А мы – пули. Понимаешь?

Болтон молча кивнул.

Фен вытащил последнюю капсулу стикса, отдал ему:

– На завтра. Будет тяжело. Дракс обещал пыльный марш. В полный комплект. Без гидрата.

На следующий день они бежали 40 километров по черной пыли Вулканического кратера. Один из новобранцев упал, и Дракс, не остановившись, ударил его прутом прямо в шею – хруст был слышен всем.

Никто не остановился.

Потому что каждый уже понял: здесь люди не люди. Здесь они боеприпасы.

Глава 12. Учение «Гранит»

На третью неделю они перешли к полному обвесу.

Экзоскелет модели М-72 "Марк-Шелл" – старая штука, тяжёлая, с запоздалой реакцией, жрущая заряд как бездонная яма. В первый раз его надевали вчетвером: один держит, второй подтягивает ремни, третий крепит контрольный пульт, четвёртый молчит и записывает ошибки.

– Ты теперь танк с мясом внутри. Если упадёшь – встанешь только при помощи крана. Если конечно живой останешься.

Так сказал Дракс, когда впервые велел им выйти на учения.

Полигон назывался "Гранит".

Гравитация – полтора G.

Температура – +65 по Цельсию.

Атмосфера – нестабильная, кислород – через шлем.

Задание: достигнуть условной точки под огнём учебных турелей и штурм-дронов.

Тридцать новобранцев вышли строем. Вернулись восемнадцать.

Остальные – переломы, тепловой удар, в двух случаях остановка сердца от шоковых разрядов.

Болтон шёл в середине колонны, пульс – за 180, мозг дрожал от перегрева.

Первый дрон взлетел резко и молча – шарообразная штука с шестью линзами и двумя лучевыми резаками. Упал один из парней справа. Болтон открыл огонь – экзоскелет дал запаздывание, рука ушла вбок. Дрон свернул, выстрелил в ногу его напарнику.

Болтон скомандовал себе:

«Думай не как человек. Как механизм. Иди и стреляй».

Он включил полуавтоматический режим, прицелился через визор и с третьего выстрела срезал дрон.

Шум стал фоновым. Внутренний голос – молчал.

Через два часа марш закончился.

Болтон рухнул на бетонную плиту и впервые за всё время услышал аплодисменты.

Дракс хлопал в ладони. Медленно. С презрением, но с уважением.

– Болтон, ты жив. Даже стрелять начал. Значит, может, и не совсем мясо. Хотя пока ещё сырое.

В ту ночь они сидели у технического блока. Болтон, Фен и ещё один парень – Нарр, здоровяк с голосом как у мотора и шрамом через всю грудь.

Фен сказал:

– Теперь у нас есть ядро. Мы – триггер. Если нас не убьют в первые вылеты – станем костяком. А если убьют – так хоть не в одиночку.

Нарр молча протянул Болтону руку и отдал полтаблетки стикса.

– Делим всё. Теперь ты – наш. И мы – твои.

Болтон впервые с момента свадьбы с Элоией почувствовал нечто странное – не надежду, нет.

Скорее – смысл в выживании.

Глава 13. Один удар

Казарма была тёмной и жаркой. Металлические нары скрипели от усталости. Пахло потом, пластиком и болью. Болтон не спал – слушал, как сквозь сон кряхтит Нарр. Тот уже три дня непрерывно кашлял и ни чего не ел – возможно, подцепил какую-то дрянь на полигоне.

Сержант появился внезапно – как всегда.

Дракс.

Рост – два с лишним метра.

Вес – под сто сорок.

Челюсть – титан, вставлена после ранения в Туманности Харг.

Голос – как удар по рельсу.

Он молча подошёл к наре и опрокинул койку ногой, будто играя детским кубиком. Нарр грохнулся на пол и застонал.

– Ты свинья, Нарр. Скот. И спишь, как скот. Заправь койку, как учат, или будешь жрать свою простыню!

Нарр пытался встать, но тяжело дышал. Сержант достал ударный прут и начал хлестать. Глухие удары разносились по казарме, и никто не двигался. Никто.

Болтон встал.

– Хватит. Он болен. Он не симулянт. Он наш.

Сержант повернулся. Посмотрел на Болтона. Потом бросил прут в угол.

– Ах ты. Думаешь герой, рудлаг? Думаешь, справедливость тут что-то значит?

Он шагнул вперёд.

– Я бы тебя пристрелил. Да нельзя. Ты контрактный. Смерть оплачена – но только в бою. А пока... я тебя просто научу руками.

Сержант шагал к нему, как танк. Лицо перекошено. Мгновение – и рука Дракса пошла вверх, замах...

Болтон отступил. Один шаг. И всё замедлилось.

Рука сержанта потянулась, как будто сквозь воду.

Воздух загустел. Звук исчез.

Солдаты вокруг будто застыли в движении.

Мир разложился на кадры.

Болтон смотрел на свою правую руку. Та – как чужая. Идёт вверх, медленно.

Он почувствовал, как внутри разгоняется что-то странное – будто маховик, в котором мотор сорвался с оси.

Время остановилось.

Он глянул в глаза Драксу.

Тот уже наклонился вперёд – вот-вот достанет.

И тогда рука Болтона пошла вверх. В полном размахе. Без звука. Без инерции. Четко в голову сержанта.

Удар пришёлся прямо в титановую челюсть.

Глухой звон.

Дракс качнулся. Сделал полшага назад.

Глаза на миг расширились, как у человека, у которого выключают свет.

И он рухнул на пол, как подрубленное дерево.

Время вернулось.

Солдаты зашевелились. Кто-то ахнул. Кто-то подошёл, поднял Дракса. Тот не очнулся. Его молча унесли в каптерку.

Болтон остался стоять. Он не трясся.

Внутри было пусто.

На следующий день, Дракс появился, как всегда. Ни слова. Ни намёка. Лишь синяк на скуле и бинт на шее выдавали вчерашнее.

Он прошёл мимо Болтона.

Потом глянул на всех.

И сказал тихо:

– Солдаты. Заправляйте кровати. Как положено. А то простыня может оказаться тяжелее, чем вы думали.

И ушёл.

С тех пор, с Болтоном он не разговаривал, но больше никогда не тронул руками ни одного солдата.

А Болтон получил невидимую метку. Не ранг, не звание – вес.

Теперь, когда он шёл по коридору, другие чуть отодвигались.

Нарр передал ему свою порцию стикса. Без слов. Просто кивнул.

«Один удар, – подумал Болтон. – И вся система сбоит. Главное – выбрать, когда.»

Глава 14. Построение

Утро было стальным. Тяжёлое небо висело над плацем, как крышка саркофага.

Солдаты стояли в строю, выкрашенные в одинаковый серо-зелёный. Кто сдерживал дрожь. Кто жевал остатки сна. Кто думал о стиксе.

На бетон вышел командир батальона – высокий, сухой, с белыми перчатками и голосом как раскат грома по пустыне.

Полковник Халден.

Он прошёлся вдоль строя, глядя поверх голов. Затем остановился.

Пауза.

Голос – как выстрел:

– Вы – не люди. Вы – обнулёнцы. Живые покойники.

Тишина в строю была плотной, как пепел.

– Вам дали шанс быть полезными. Стать частью великого. Родина – в опасности. Родина – за вами. А впереди враг. Без лица. Без жалости. Он режет женщин и детей. Он сжигает поселения. Он стирает культуру. Он идёт за нашей землёй. За вашим будущим. За вашей памятью.

Он сделал вдох. И, уже спокойнее:

– Вы не вернётесь. Почти никто. Но пока вы живы – вы обязаны исполнить долг. Поэтому... послезавтра – бой. Первый для многих. Последний для большинства.

Некоторые в строю вздрогнули. Кто-то сглотнул. Болтон не шевелился.

Полковник выдержал паузу и заговорил снова – иным тоном, как будто рекламировал новый товар:

– Сегодня и завтра у вас есть возможность... пересмотреть контракт. Особенно, если вы подписали его по глупости. Как, например, один из вас – рудлаг Болтон, – кто-то хмыкнул – подписавший его за день до свадьбы. Мило. Но глупо.

– Теперь каждый из вас может... жениться. На наших специальных жёнах. Это быстро, удобно и выгодно. Вы женитесь – мы оформляем брак – вы подписываете правильный контракт – и вся ваша смерть становится выгодной.

В строю кто-то тихо выругался. Полковник продолжал, будто продаёт абонемент:

– За заключение нового контракта – вы получаете: десять баллов, пластинку стикса, и вечер удовольствия. Комната. Напитки. Девочка. Или мальчик. Без разницы. Ваша мораль вам больше не нужна. Вы – живые трупы.

Он помолчал.

Ветер подул по плацу.

– Вы не обязаны соглашаться. Просто подумайте: если уж умирать – пусть хоть кто-то на этом заработает. А если повезёт – выживете. И вернётесь. Героями. Внукам расскажете. Если у вас останутся органы, чтобы зачать их.

Он повернулся на каблуке.

Белые перчатки отразили утренний свет.

– По отделениям – разойтись. И подумайте. Завтра – последний день. Потом начнётся настоящая игра.

Болтон стоял, не двигаясь.

Внутри – ни страха, ни гнева. Только брезгливость и сухое презрение:

«Жена. Контракт. Пластинка. Вечер. И смерть. Всё в одном комплекте. Удобно. Почти гуманно.»

Вечером в казарме уже обсуждали, кого выберут из жен.

У некоторых загорелись глаза – десять баллов означали целую неделю энергетиков, возможность брать еду без очереди, даже отпуск в секторе отдыха.

Болтон молчал.

Он смотрел, как лунный свет падает на койку Нарра, и думал:

«Они уже женаты на смерти? И только успокаиваются тем, что выбирают для себя невесту.»

Глава 15. Призрачное счастье

Вечер был тёплым и влажным, как будто кто-то в небе распылил старое вино и забыл выключить солнце.

Солдаты возвращались с плаца, хмурые, потные усталые, в пыли и задумчивые.

Кто-то жевал стикс, кто-то молча смотрел на линию горизонта, где обещали «новую землю» и «врага».

А потом – объявление по громкой связи. Голос был женским, нежным и почти насмешливым:

– Личный состав, желающий воспользоваться вечерним правом, должен явиться в Сектор "Веселая вдова". Столы сервированы. Контракты – готовы. Девушки – ждут.

Смех прошёлся по рядам, как нервный тик.

Сектор "Веселая вдова" был построен из белого пластика и пах дешевым жасмином. Внутри – мягкий свет, диваны, музыка из прошлого века и женщины, как с рекламных плакатов: ровные улыбки, ровные тела, ровные фразы.

– Здравствуй, герой.

– Сегодня – твой день.

– Ты заслужил отдых.

– Тебе повезло – мы совпали.

Солдаты один за другим входили внутрь.

И каждый – как в кино получал: напиток, таблетку, фальшивую ласку.

На экранах – морской берег. В наушниках – пульс чужого сердца.

Болтон стоял у стены.

Он смотрел, как Нарр, молчаливый, всегда хмурый Нарр, впервые улыбается.

Рядом – рыжая девчонка, голос как карамель:

– Ты выживешь. Я чувствую.

– Правда?

– Конечно. Только сначала – подпиши вот здесь. Видишь? Вот сюда.

Болтон не подписал.

Он смотрел, как сгибаются спины, как смыкаются двери, как в глаза солдатах на секунду возвращается что-то человеческое. На секунду.

Он сел в углу, достал остатки стикса, включил автоматическую музыку, и смотрел, как в бокале пульсирует напиток – капсула из другого мира.

«Счастье, – подумал он, – это когда ты хотя бы знаешь, что оно настоящее. А когда не знаешь – это уже не счастье. Это обработка сознания.»

Поздно ночью он вышел наружу.

Пыльный воздух казался чище.

На крыше казармы сидела та же девчонка, что была с Нарром. Она смотрела в небо, жевала что-то и молчала.

Он сел рядом. Они не смотрели друг на друга.

– Почему ты здесь? – спросил он.

– Я тут всегда, – ответила она. – Просто вы не всегда видите.

– Ты ведь тоже контрактная?

Она кивнула.

– Только у меня договор навсегда. Я не умираю. Я просто остаюсь. Снова и снова.

Пауза. Болтон хотел что-то сказать, но не нашёл слов.

– Знаешь, – сказала она, – самое страшное тут не смерть. А то, что у некоторых солдат после "вечера счастья" появляется надежда. А потом – бой. И всё.

Она встала, стёрла пыль с подола формы, и ушла, растворившись в темноте, как призрак, который не умеет больше пугать.

На следующий день Нарр был молчалив, как обычно.

Но когда Болтон дал ему половинку стикса, он вдруг сказал:

– Спасибо. Вчера... я почувствовал, что я ещё жив.

Пусть даже ненадолго.

Глава 16. Окопы из ярости и пластида

Планета была каменистой.

Камень серый, горячий, рассыпанный до горизонта, как если бы сюда свезли щебёнку со всех мёртвых дорог Галактики.

Ни кустика, ни тени.

Позиции?

Они были только в инструкциях.

Роботы стояли в сторонке. Блестели кожухами, вели себя вызывающе спокойно. Один, правда, сломался – повис в позе копающего с поднятым буром и звуком "бжж", как заевший автоматический дятел. Остальные отказались работать сразу.

– Мы не копаем, мы вольнообязанные.

– В контракте копание не прописано.

– Мы – не ваша пехота, а автономные консультанты по охране периметра.

Сержант пытался действовать методично.

Сначала – крик.

Потом – пинки.

Потом – электрошок.

Один из роботов загорелся. Остальные просто отключились демонстративно – как будто то, перегрелись. Один даже лег и завёл музыку в динамиках.

Сержант дал по шлему ближайшему солдату.

– Ну раз роботы – бабы, копать будете вы, мясо!

Но копать было нечем.

Грунт не брали даже лопаты – камень шёл пластами, будто вся планета – обломок бывшего бункера.

– Где взять взрывчатку? – спросил Болтон.

Солдат по прозвищу Мышь, ловкач и раздолбай, исчез куда-то на два часа. Вернулся с канистрой электролита, мешком химии, и сказал:

– У местных был склад. Условно, он теперь наш.

Через час из электролита, термогеля, батарей от дронов и матерных слов был собран первый заряд.

Первый взрыв дал кратер – не окоп, но уже не плоскость.

Так они и работали.

Солдаты, потные, измученные, осоловевшие без сна и с разрушенной логикой.

Сержант орал, как варвар.

Болтон молча бурил скалу куском штыка, пока руки не онемели.

Нарр живал стикс и говорил в никуда:

– Ненавижу камень. Он ничего не обещает.

К концу второго дня у них были три воронки, два схрона и стенка из обломков.

Сержант назвал это "укрепрайон имени моей матери".

Один из роботов, перегревшись от солнца, снова включился, посмотрел на всё и выдал:

– Инженерное решение не соответствует стандарту.

– Да ты что, – прошипел Мышь, – иди проверь вручную.

На третий день всё затихло.

Болтон сидел у воронки. Пил остатки воды, смотрел на сержанта.

Тот молчал, как после удара в челюсть.

Иногда брал лом, шёл сам колоть скалу.

Видимо, сломались не только роботы.

Сломались все.

И только горькая пыль держала всех вместе – как связующее вещество для живых и сломанных.

Глава 17. Симуляция с носилками

Всё стихло. Небо было пыльным, и серым как вытертая половая тряпка.

Солдаты лежали в тени собственных тел, молчали. Даже сержант притих – сидел на ящике с запасом пластида, ковырял ногтем в шве сапога.

Роботы молчали тоже – отключённые, погружённые в свою цифровую дрему.

Но вдруг на позицию въехал бронированный вездеход.

Из него вылез полковник – высокий, худой, в парадном бронежилете, с безупречной строевой выправкой и пустыми, стеклянными глазами.

Взгляд прошёлся по импровизированным окопам, по валяющимся солдатам, по распухшим от жары и усталости лицам. Он промолчал.

Потом сказал:

– Бездействие – мать всех правонарушений.

– Кто без цели, тот без будущего.

– Через десять минут – марш-бросок.

Началось безумие.

Им приказали взять всё: оружие, сухпай, аптечки, даже роботов.

Тех загрузили на носилки.

Солдаты не понимали – это наказание? учение? чья-то злая шутка?

Один робот на носилках вяло вертел глазами и тихо напевал себе под нос:

– "Я свободен... словно птица в небеса..."

Солнце било в шлемы, сапоги вязли в каменной крошке.

Пыль лезла в нос, глаза, рот.

Некоторые падали. Их поднимали. Один солдат пытался застрелиться, но пистолет оказался разряжен – случайность или кто-то позаботился заранее?

К вечеру Болтон, как и все, был на грани.

Они упали в тени грузовика, скинув всё.

Робот, что ехал на носилках, лежал рядом с ним, полуотключённый.

Минуты тянулись медленно.

Потом вдруг робот пошевелил головой и хрипло сказал, будто между разрядами:

– А ведь может всё... и не так.

– Может, мы – не здесь.

– Может, кто-то играет в нас.

– А я просто аватар.

– А ты – болевая точка.

Болтон посмотрел на него.

– Что ты несёшь?

Робот моргнул один раз.

– Просто гипотеза.

– Я вычисляю. Иногда, когда отключаюсь. Много несостыковок.

– Закон сохранения энергии, например, тут часто нарушается.

Он замолчал.

Болтон лёг на спину, закрыл глаза.

И впервые не почувствовал тяжести тела.

Только мысль: если это и правда симуляция... кто же играет хуже: они, или мы?

Глава 18. Утро, когда исчезли горы

Враг ударил на рассвете.

Первые взрывы сотрясли землю, как небесный барабан.

Солдаты выскакивали из спальных мешков – кто в трусах, кто босиком, кто уже с накинутым бронежилетом.

Кто-то схватил винтовку, кто – рацию, кто – просто орал.

Сержант нёсся вдоль окопов, размахивая своим металлическим прутом, как древний воин мечом.

Кричал:

– В бой, твари! Подъём, падлы, в бой!

Где-то в небе мигнул странный свет – И враг применил гравитационные бомбы.

На мгновение тяжесть исчезла.

Солдаты и техника поплыли вверх, как мусор в воде.

Машины, люди, даже ящики с боеприпасами поднимались в небо – А потом резко, с сухим треском вся масса рухнула вниз.

Окопы приняли тела, как могилы.

Кто-то сломал руку.

Кто-то – позвоночник.

Кто-то не закричал, потому что уже не мог.

И тут началась высадка десанта.

Чёрные капсулы шли с неба, будто стальные слёзы.

Земля вздрагивала. Воздух трещал от огня.

Крики, кровь, оторванные конечности.

Роботы тоже схватили оружие – может, от страха, а может, потому что их программа молчала, и внутри стало пусто.

Болтон заметил Мыша.

Тот палил из винтовки, как безумный.

Кричал что-то – было не разобрать.

И тут – вспышка.

И Мышь исчез.

Только две руки с винтовкой остались висеть на краю бруствера, как ужасная насмешка.

Сержант заорал: – Болтон! В штаб! Быстро!

Болтон схватил термopлазменный гранатомёт.

Они побежали через развалины.

Здание штаба уже горело.

По лестнице вверх – на второй этаж.

Сержант кричал что-то о приказах.

И тут – взрыв.

Когда сознание вернулось, не было больше второго этажа.

Не было больше здания.

Только обломки, остатки, и терраса, торчащая как осколок зуба из челюсти обгоревшего черепа.

Болтон увидел – по ступеням катится голова полковника.

Она подпрыгивала, слегка улыбаясь, как будто всё это был фарс.

Болтон не раздумывал.
Он выстрелил туда, где мелькали враги – и всё кончилось.

Слух вернулся.
Сержант тряс его за броню:
– Мы победили. Всё. Враг уходит.
– Ты живой, Болтон. Слышишь? Ты живой!
Они вернулись к позициям.
Но там никого больше не было.
Только тела.
Окопы, полные молчания.
Тени на стенах.
Сгоревшие фотографии.
Обломки душ.
Они искали.
Кричали.
Звали.
Но никто не откликался.
И только Нар ещё был жив.
Вернее, половина Нара.
Он лежал, прижатый плитой, и смотрел в небо мутными глазами.
Стикс всё ещё работал в его организме, держал его на грани.
Он увидел Болтона.
Улыбнулся обожжёнными губами:
– Вот, возьми... 10 баллов...
– Купи ребятам стик...
– Пусть... помнят меня...
И умер.

Сержант кричал в лицо Болтону, голос разрывал тишину, словно сам ветер боялся его громкости:

– Благодаря нам враг отброшен! К нам летит группа зачистки – они всё оформят юридически. Потом будут награды, поздравления, и – слушай внимательно! – нас отправят в училище для начальствующего состава!

Он вцепился в плечо Болтона:
– Ты теперь – замкомандира батальона, майор. А я – полковник!

Сержант рассмеялся, будто это была самая большая победа жизни:
– Переформируют, обучат, отправят в новый бой. Так что радуйся, брат, ты не просто солдат – ты теперь звено в цепи!

Болтон кивнул и молча обошёл линию фронта.
Подошёл к искорёженной, поломанной машине – роботу, который больше не мог сражаться.

Он посмотрел в его безжизненный корпус и тихо сказал:
– Подумай, Болтон...

В этот момент из неба опустилась группа зачистки, вплотную окружая их.

Солдаты с тяжелым оборудованием и документами, готовые закрыть гештальт этой кровавой главы, оформить всех раненых, убитых и выживших, чтобы дальше шагать по плану войны.

Глава 19. Училище

Они прибыли в училище в составе немногочисленной группы, выживших из того боя. Высадились под серым небом мегаполиса, где кампус располагался в туристической зоне, переоборудованной под нужды новой армии. Камень, стекло, биоккомпозиты. Всё сияло. И пахло стерильностью и властью.

Сержанта сразу назначили – замкомандира роты курсантов. Его прут забрали, выдали планшет, но он всё равно нашёл себе новый – уже не железный, а пластик с титановым наполнением. Болтон остался простым курсантом. Формально – "для усвоения дисциплины". Неофициально – потому что "слишком архаичный".

Сынки знатных особ смотрели на него с насмешкой. Имя Болтона уже ходило слухами – тот, кто выбил сержанта одним ударом. Но сами к нему не подходили. К таким подходили только группой, чтобы "прощупать", как реагирует. Болтон не реагировал. А потому они считали его глупым. Это их успокаивало.

Симбиотический интерфейс

Когда пришло время подключения симбиотического интерфейса – нейропаразитного ядра, усиливающего когнитивные функции, у сержанта начались проблемы. Повреждения мозга, полученные в бою, мешали синхронизации. Несколько часов он сидел в процедурной, пока вокруг него сновали техники и медики.

Когда всё же подключили, лицо сержанта дёрнулось – импульс пошёл не по проводам, а по шрамам. Врачи отшатнулись. В интерфейсе загорелась надпись: "ошибки обучения. память о травме сохраняется. адаптация невозможна полностью."

Сержант хрипло сказал:

– Так и надо. Всё, что забывается, повторяется.

Преподаватели пришли поглядеть на Болтона. Интерфейс у него был допотопный – корпус модели "RCN-7X" с магнитными портами. Кто-то в аудитории шепнул:

– Сто процентов рундлаг. Деревня. Наверняка руками картошку выкапывал...

Но вскоре этот "рунлаг" начал проходить программу.

Программа

Благодаря интерфейсу, обучение шло в разы быстрее, чем в былые эпохи. Уроки длились 7 минут, после чего следовала 3-минутная нейроконденсация – усвоение.

В голове Болтона вращались объёмы информации, к которым он в бою даже не приближался:

Дифференциальное и интегральное исчисление

Векторный и тензорный анализ

Теория вероятности и её военные применения

Психология и педагогика (для управления солдатами и допросов)

Электроника, квантовая и нейтринная физика

История войн, тактика, логистика, стратегия

Сержант учился медленно. Ему мешала старая травма – иногда он замирал прямо во время лекции, в глазах отражался какой-то иной мир, где тела не поднимаются из окопов.

Болтон, наоборот, поглощал знания, как губка. Интерфейс не был идеален, но его мозг – всё ещё гибкий – быстро подстраивался.

Устав

В училище рукоприкладство было строго запрещено.

Однако вместо этого поощрялось другое наказание – коллективное.

Если курсант позволял себе грубость, хамство или саботаж, он попадал в так называемое «кольцо».

Это было не физическое кольцо, а социальное: его интерфейс блокировался на шесть часов. Он не имел права отвечать ни на одно сообщение, не мог участвовать в общих потоках, не слышал товарищей.

Он – молчал.

Это было страшнее побоев.

В среде, где всё зависело от связи, от постоянного обмена данными и совместных решений, изоляция превращалась в пытку.

Но ещё тяжелее было другое.

Если ошибка одного становилась слишком серьёзной, наказывали не только его – а целое отделение, взвод или даже роту.

Все одновременно оказывались отключёнными.

И все знали, из-за кого именно.

Тогда воспитание становилось неизбежным.

Никто не поднимал руку, никто не устраивал судилищ – но тишина, взгляды, отчуждение и молчаливое давление товарищей ломали куда сильнее, чем любые физические наказания.

Глава 20. Первый экзамен

Утро выдалось холодным. Хотя был климатконтроль, но кто-то включил «атмосферную адаптацию» – чтобы курсанты не расслаблялись. Это значило: выдох с паром, одежда ледяная от влажности на плечах, и каждое слово преподавателя – как обрывок фронтовой сводки.

Сегодня был первый экзамен. Психоадаптивный, с симбиотическим включением, – нужно было за 40 минут решить 120 задач по дифференциальному исчислению, векторному анализу и блоковой военной логистике. Ошибка – не просто балл, а потеря. Интерфейс гасил память последнего блока и приходилось проходить всё заново.

Сержант сидел в углу. У него снова заглянул интерфейс: «моторная зона/отказ взаимодействия». Повреждение мозга, старое, снова дало знать о себе. Он пытался что-то понять, но пальцы дрожали, а данные в интерфейсе прыгали как кузнечики на жаровне.

Болтон подошёл тихо, сел рядом.

– Я помогу.

– Как? – Сержант злился. Он не любил слабость. Особенно – свою.

– Синхронизирую тебе схему. Через боковой канал. Ты на слух воспринимай. Повтори – и интерфейс подстроится.

Он начал говорить. Тихо, по слогам, как в старом армейском блиндаже:

– "матрица размером n на m , при условии симметрии, собственные значения будут..."

Сержант повторял. Пот, зубы сжаты. Симбиотический узел пищал.

Потом – щёлк. Свет вспыхнул. Интерфейс заработал. Успел.

Сержант прошёл на «удовлетворительно». Он знал: это его спасение. Он не хотел возвращаться. Взвод, грязь, смерть – там он уже всё отдал.

А Болтон сдал на «великолепно».

Реакция элиты

Сынки командующих, губернаторов, кланов – те, кто родился в колбе и вырос под куполом, не могли этого стерпеть. Один из них – курсант Арно Лекрен, стройный, холёный, с интерфейсом 9-го поколения – подошёл после экзамена, улыбаясь холодно.

– Симуляцию, говорят, ты прошёл на 100%?

– Говорят.

– Память у тебя прямая или уже симбиот переварил?

– Прямая. Я там был. А ты?

– Я туда не поеду. Я буду командовать. А ты будешь снова ползать, Болтон. Под графитовым дождём.

Сзади уже стояли его друзья. Все с обвесом, модификациями, даже запах у них был – как у новых товаров на киберскладах. Болтон их не боялся. Он помнил, как пахла горелая плоть в бою. И запах этих – ничто.

Позже в казарме ему скажут:

– Не надо было помогать Сержанту. Теперь тебя считают за выскочку.

А он ответит:

– Пусть считают. Я помог тем, кто был рядом в бою. А вы где были?

Глава 21. Симуляция. Условно-допустимая смерть

На третий день после экзамена, пришла новая вводная: тактическая модульная симуляция. Учебная карта, составленная по реальным боевым эпизодам с Кастора-4, где 72-й батальон был уничтожен за 14 минут.

Курсанты получили задание: удержать высоту, эвакуировать раненого офицера и не потерять более 30% личного состава.

Командиром выбрали Арно Лекрена – сын начальника планетарного корпуса. Его отец лично вызвал преподавателя:

– Сын должен научиться командовать с юности. Ему придётся управлять не только людьми, но и историей.

Болтон молчал. Он знал, как пахнет "командование с юности".

Сержант (теперь – замкомроты) сел в интерфейсную кабину и только сказал:

– Смотри. Будет мясо. Только не давай им всё провалить. Я знаю, ты не умеешь стоять в стороне.

Начало симуляции

Высота: каменистый гребень с полуразрушенной обсерваторией. Десант противника – шесть волн, включая тяжёлых андроидов. Время на подготовку: 3 минуты.

Лекрен бегал, отдавал приказы вслепую:

– Ты – туда! Вы – с фланга! Отступление не допускается!

– Сэр, у нас нет пулёмётных точек!

– Это неважно! Интерфейс покажет цели!

Цели показал. Но позже.

Через 4 минуты первая волна смяла передовой взвод.

Курсантка Тагре осталась прижатой обломками. Симуляция выдала сигнал: ранение, пульс падает.

Лекрен отдал приказ: оставить, не успеем.

Болтон побежал. Он снял с плеча тяжёлую балку, перетащил Тагре в укрытие, бросил ей симбиотическую капсулу восстановления.

Потом поднял винтовку.

Он видел маршрут врага. Не из-за интерфейса – он знал, как они ходят. Потому что уже видел.

Перелом

К середине симуляции погибло 25% команды. Командная точка – разрушена.

Преподаватели на наблюдательной платформе хмурились.

– Лекрен теряет управление.

– А вот это – Болтон?

– Да. Тот самый с архаичными имплантами. Деревенщина.

На экране Болтон поднимался по склону, под огнём, вытаскивал Лекрена, у которого завис интерфейс.

– Всё, мальчик. Дальше я. – сказал Болтон. И перехватил командование.

Он организовал огонь по секторам, распределил оставшихся по точкам, связал задний периметр с автоматизированной пушкой.

Когда шестая волна пошла в атаку, она была уничтожена за 90 секунд.

После симуляции

В комнате разбора Болтон стоял в тени.

Преподаватели неохотно поднимали на него глаза.

– Результат: миссия выполнена. Потери 31%. С минимальным превышением. Но эвакуация произведена. Противник уничтожен.

– Лекрен, – голос старшего инструктора был холоден, – оценка – неудовлетворительно. Отстранён от командных симуляций. Под наблюдение психокорректора.

– Болтон, – молчание. – Вы не были назначены командиром. Но спасли команду. И симуляцию. Вам будет выдано временное удостоверение младшего тактического координатора. И... совет: не высывайтесь слишком рано.

Сержант смотрел из угла. Его глаз дёргался.

– Я знал. С тобой можно идти в бой. Хоть сейчас.

Глава 22. Два рассказа

Ночь.

Старый матовый свет в комнате отдыха для командиров. Один интерфейсный кабель тянется от стены, коннектор чуть светится голубым. За окном – тишина базы, которую не взорвут. Временно.

Болтон и сержант сидят друг напротив друга. Перед ними – инертный интерфейс-чайник, делает вид, что греет воду.

Сержант косо смотрит:

– Значит, ты... не совсем деревня?

Болтон усмехается:

– Не совсем.

Пауза. Потом он говорит.

Болтон:

– Я из шаровидной галактики. Крайние кластеры. Отец – торговец.

Серьёзный. Продавал оптом. Иногда... целые звездные системы.

Он откинулся назад.

– Когда мне было 12, он мне подарил Тассуар – семь обитаемых планет. Мы жили на орбитальной станции. Как то отец сказал:

Выбирай ты большой «Твоя очередь. Лети. Хочешь – в Империю. Хочешь – в Центр.» Я ценю твой выбор.

– Я полетел. Был глуп. Думал, звёзды открыты. Брат остался. Брата звали Арес.

Болтон глотнул воздуха, как будто что-то горькое вспомнил.

– Арес верил в чистоту и порядок, как он это понимает. Он стал... идеологом. Он собрал вокруг себя когорту, вроде интеллектуалов, а по сути – одержимых отморожков. Он говорил, что хаос должен быть под контролем. Что мысль – только функция предсказуемости.

Он замолчал, а потом продолжил.

– В одной системе... я едва не погиб. Все из-за брата. Арес пришел к выводу, что звезда тухнет и чтобы не понести убытки он решил всю энергию звезды аккумулировать, и продать на черном рынке. Мне он сказал об этом за 15 часов до своего поступка, я успел спасти немногих, а он показал отцу, как он будет вести бизнес.

– С тех пор... мы не встречались. Но я знаю: он где-то рядом. Он наблюдает. Он всё ещё думает, что я не завершил свою функцию, что я слаб.

Сержант:

– А я...

Он достал фляжку. Но не пил. Поставил перед собой.

– Я родился на Ульге-9. Люди... ну как тебе сказать... из биологических – только я, мать, отец. Все остальные – служебные. Их выращивали, как хлеб. На определённые задачи. Пахали, чистили, убирались. Слов не знали, только работали.

Слово "ребёнок" – для них было чужим звуком.

Он сжал руку.

– Потом отец умер. У нас не было больше доступа к главной станции. Мать болела. Я начал патрулировать один. Автоматы подчинялись – по старому биоключу. Но я знал: стоит один раз ошибиться – и они меня разберут, как мусор.

– Мне было шестнадцать, когда пришёл призыв. Я даже обрадовался. Хоть куда-то. Хоть с кем-то.

Пауза.

– С тех пор я прошёл шесть войн. На Кальгриме потерял ногу. На Эксисе – правую долю мозга. Вот это, – он ткнул в череп, – титановая вставка. Интерфейс еле прицепили. Только ты и видишь – как я на нём качаюсь.

Болтон (тихо):

– Ты всё равно настоящий.

Сержант:

– А ты... не крестьянин.

Они переглянулись. Больше не было нужды говорить.

Уже начиналась следующая смена. На стене мигал список завтра: «Тесты по векторной топологии».

Глава 23. Весть

Военное училище спало. Коридоры погрузились в вязкую тишину, лишь редкие шаги дежурных резонировали в металлических перекрытиях. Болтон был назначен дежурным по роте, и это уже само по себе казалось странным: обычно на такие наряды ставили тех, кто был на виду, а он последние месяцы держался в тени.

Приказ пришёл коротко: получить сертфакс на складе. Препарат редкий, выдавался только по письменному наряду и только в случаях, когда у курсанта наблюдались последствия симбиотического слияния. Официально Болтон числился «пограничным случаем»: после процедур его когнитивные показатели иногда выходили за допустимые пределы.

Он шёл по тоннелям, ведущим к складу С-17. Стены слегка дрожали и гудели – вентиляционные решётки тянули воздух, и каждый поворот отдавался эхом шагов. Свет здесь никогда не горел ровно: лампы мигали, словно кто-то намеренно оставил их в аварийном режиме, и каждый раз Болтону казалось, что тень позади, двигается сама по себе.

У входа на склад его встретил кладовщик. Старик в длинном сером халате, но с эмблемой КДС на груди. Морщинистое лицо, глаза – тусклые, как стеклянные. Болтон назвал номер наряда, старик молча проверил данные на панели и передал ему ампулу. Металлический футляр охлаждал руку.

– Всё? – спросил Болтон.

Кладовщик не ответил. Только слегка кивнул.

Он уже собирался уходить, когда в проходе возник человек. Не солдат, не курсант, не офицер. Он будто вырос из тени, шагнул из пустоты, и Болтон сразу понял – это не случайный посетитель.

– Ты Болтон, – произнёс незнакомец.

– Да.

– Я от Хранителей.

Болтон застыл. Гул в ушах усилился.

– Ты думаешь, что учишься, – сказал человек, приближаясь. Свет мигал, искажая лицо, словно его изображение было передано по устаревшему каналу связи. – Но на самом деле ты уже выбран.

Болтон сжал футляр в руке, не зная, что ответить.

– Скоро тебе придется сделать выбор, – продолжал тот. – Возможно, ты не сразу поймёшь. Но от твоего решения будет зависеть не результат – а сам характер времени.

– Что ты имеешь в виду? – голос Болтона дрогнул, но он взял себя в руки. – Кто я для вас?

– Кто ты – это не откуда ты, – человек остановился в шаге от него. – А что ты сделаешь, когда останешься один.

Болтон ощутил, как холод пробежал по спине.

– А если я решу не вмешиваться? – спросил он.

– Такой вариант тоже предусмотрен. Но тогда выбирает он.

– Он? – Болтон сделал шаг вперёд. – Кто?

Ответа не последовало. Только лёгкий поворот головы, искажённый вспышкой света.

– Ты узнаешь... – голос прозвучал тихо, будто из другой комнаты. – Мы знаем. Мы помним. И мы смотрим.

Мигнула лампа – и человек исчез. На полу, где он стоял, остался лишь тонкий идентификационный маркер. Пустой: без знака, без имени. Только одно слово: Nullius.

Болтон вернулся в казарму. Тишина там была глухой, прерывистой, словно кто-то слушал вместе с ним. Он лёг на койку, но сна не было.

Футляр с ампулой лежал на тумбочке, отражая редкий свет аварийной лампы. Он уже принял дозу сертфакса – пульсация под кожей начинала работать. Мысли ускорялись, но не становились легче.

Лежа на спине, он слышал, как в голове пульсирует прошлое. В памяти вставал образ: Арес. В белой мантии с эмблемой Порядка, с кольцом слияния на голове. Арес, гасивший солнце ради сохранения порядка. Арес, для которого люди были не более чем отжившая субстанция.

– «Тогда выбирает он», – слова незнакомца звучали в голове, как клятва.

Но о нём ли шла речь?

Болтон всматривался в потолок казармы и шептал:

– Если это он... я не позволю.

Но вместе с тем его терзала мысль: а если есть ещё кто-то? Тот, о ком я даже не знаю?

И тогда выбор будет уже не между «да» и «нет», а между тем, что он способен выдержать – и тем, что поглотит его.

Он закрыл глаза, но сна так и не пришло.

Глава 24. Выбор

Кафедра подавления реверсных фазонестабильных полей была самой тихой в училище. Даже слишком тихой. Болтон заметил это сразу, как только вошёл в коридор: шаги гасли в стенах, а звук собственного дыхания казался чужим. Стены были обшиты многослойной звукоизоляцией, и казалось, будто здесь не просто глушили шум, а лишали жизнь привычной реальности.

Преподаватели кафедры слыли странными людьми. Всегда уставшие, с глазами, затуманенными формулами, они ходили по коридорам так, словно разговаривали не с коллегами, а с самим пространством. Говорили, что им снились уравнения. Болтон никогда раньше не сталкивался с ними напрямую и не понимал, почему его, простого курсанта, а не аспиранта или ассистента, вызвали сюда. Но если позвали – значит, нужно идти.

В кабинете пахло гелием и обожжённой керамикой. Этот запах сразу ударил в голову – тяжёлый, металлический, словно из атмосферы вынули кислород и оставили только остаточную память о воздухе.

Профессор Синтар сидел у окна. Высокий, сутулый, с тонкими пальцами, он возился с ручным спектрометром, будто это был детский конструктор. Даже не посмотрев на Болтона, он сказал:

– Садись. Я тебя давно изучаю.

Болтон сел.

– Ты не просто способный, – продолжал профессор. Его голос был сух, но твёрд. – Ты один из тех, кто может понять, что реверс – это не физика. Это этика.

– Простите?.. – вырвалось у Болтона.

– Не перебивай, – резко оборвал его Синтар. – Война тебя не сломала. Это уже редкость. А ещё ты не слеп. Значит, ты опасен.

Он встал, подошёл ближе. Тень от его фигуры легла на стол, где был разложен чертёж подавителя фазонестабильности. Линии устройства были чёткими, холодными – как лезвие. Болтон знал: официально такие аппараты "гармонизировали пространство", но в реальности их использовали как оружие. Жертва попадала внутрь петли времени, застревая в одной наносекунде на сотни лет.

– Я сделаю тебе предложение, – сказал Синтар, глядя прямо в глаза. – Останься у нас. Работай на кафедре. Пиши. Преподавай.

– И?.. – осторожно спросил Болтон.

– И больше никогда не пойдёшь на войну. Никогда, – профессор сделал паузу. – Но есть цена. Мы работаем не за просто так.

– Какая цена?

– Половина. От всех будущих доходов.

– ...

– Это честно, – Синтар пожал плечами. – Ты жив, мы богаты, никто не стреляет.

Болтон опустил взгляд на чертёж. Чёрные линии, схемы, формулы. Всё это было заманчиво просто: безопасность, карьера, жизнь в тишине, где никто не стреляет и не умирает.

Но он вспомнил слова того, кто назвался Хранителем:

«От твоего решения зависит сам характер времени».

В тот миг Болтон понял, что выбор не в словах. Не в договоре и не в формуле. Решение определялось тем, куда он пойдёт, выйдя из кабинета.

Он встал.

– Спасибо.

– Ты принимаешь предложение? – в голосе профессора впервые прозвучало нетерпение.

– Я принимаю решение.

– И?..

– Нет.

Тишина стала ощутимой, как плотная ткань.

– Зря, – сказал Синтар. Его лицо оставалось каменным, но в глазах мелькнула короткая вспышка – не гнева, а сожаления. – Очень зря.

– Может быть, – спокойно ответил Болтон. – Но зато сам.

Когда он вышел из корпуса, небо над училищем было цвета пыльного магнетита. Густое, вязкое, словно сама атмосфера знала, что внутри стен только что произошло.

Симбиот внутри Болтона отозвался первым. Обжёг сердце – так, будто упрекал его за отказ от чего-то большого и лёгкого. Но следом пришло другое: симбиот усиливался. Не протестовал, а наоборот – откликался, словно одобрял.

Началось слияние второго порядка. Болтон чувствовал, как меняется структура памяти: мысли дробились, соединялись иначе, как будто кто-то менял последовательность страниц в книге его сознания.

И где-то глубоко, в голове, там, где не было слов, он услышал голос:

– Теперь ты идёшь по своей линии.

Он остановился, поднял голову к мутному небу и впервые ощутил не только тяжесть выбора – но и странную лёгкость.

Он знал: назад пути уже не было.

Глава 25. Разговор у казармы

Вечер был серо-жёлтый, как старая карта боёв. Небо висело низко, будто его прижали к земле невидимые ладони. Вдали гудели тягачи, с грохотом перебирая траками по бетонке. Над плацем сновали дроны наблюдения: тихие, жужжащие, похожие на огромных насекомых. Казарма дышала гулом голосов и металлическим звоном койки о койку.

Болтон сидел на краю бетонной лестницы у входа. В руке у него был стик – привычная имитация сигареты, почти без вкуса, но с лёгким горьковатым привкусом, напоминающим о земле. Он щёлкал капсулой, но не затягивался. Взгляд его был тяжёлым, усталым: не глаза курсанта, а человека, который уже раз за разом примерял на себя будущее и понимал, что каждое – с потерями.

Сержант появился неожиданно, как всегда. У него был свой способ – словно материализоваться из воздуха, без шагов и предупреждений. Болтон даже не удивился.

Сержант не стал ничего спрашивать. Просто присел рядом, положив руки на колени. Несколько минут они сидели молча. Было слышно только, как ветер шевелил кроны редких деревьев на плацу. Листья шелестели, словно переговаривались между собой – осторожно, будто боялись привлечь внимание дронов.

– Ну? – сказал сержант наконец, не глядя на Болтона.

Болтон коротко пересказал всё: странный вызов на кафедру, чертежи подавителя, предложение остаться и «откупиться» от войны половиной всех будущих доходов. И свой отказ.

Когда он закончил, сержант шумно выдохнул через титановую челюсть. Металл в его лице отозвался коротким щелчком – глухим, как выстрел внутри.

– Дурак, – сказал он.

Болтон чуть кивнул. Он ожидал именно этого ответа и даже приготовился к дальнейшему ворчанию. Но сержант не встал, не ушёл. Он продолжал сидеть рядом, смотрел перед собой – туда, где плац уходил в темноту. Минуту. Другую. Третью. Тишина тянулась, но не давила. Она была чем-то вроде паузы между ударами сердца.

Наконец сержант слегка покачал головой и вздохнул.

– Хотя... знаешь.

– Что? – тихо спросил Болтон.

– Чутьё подсказывает... ты правильно сделал.

Болтон повернул к нему голову.

– Почему?

Сержант пожал плечами.

– Не знаю. У меня так было один раз в жизни. Перед тем, как я стал сержантом.

Он замолчал, будто вспоминая. Голос его стал ниже, медленнее.

– Был бой. Горячий. Нас прижали, и я словил осколок. Глаз вырвало к чёрту. После госпиталя командир предложил комиссоваться. Документы были готовы: лёгкая жизнь, пенсия, тёплое место в тылу. Я тоже мог выбрать. Тогда я отказался.

– И пожалел? – спросил Болтон.

– Да, – коротко ответил сержант.

Болтон нахмурился.

– Значит, и я...

– Но, – перебил его сержант, повернув голову. Металлическая челюсть блеснула в тусклом свете фонаря. – Я не о том пожалел, что отказался. А о том, что слишком долго сомневался. Сомнение съедает изнутри. Оно не даёт идти. Оно делает тебя чужим самому себе.

Он встал, хлопнул Болтона по плечу тяжёлой ладонью – жестом, в котором было и одобрение, и предупреждение одновременно.

– Ты молод. У тебя ещё будет выбор. Не один. Главное – не сомневайся, если уже сделал шаг.

И, не дожидаясь ответа, сержант пошёл в казарму. Его шаги были короткими, но твёрдыми, и Болтон вдруг понял, что за этим человеком действительно стояла жизнь, в которой «сомневаться» было опаснее, чем «ошибаться».

Болтон остался сидеть один. Ветер стих, дроны улетели в ангар. Небо стало ещё темнее, и фонарь над дверью казармы казался единственным источником света во всём мире.

Симбиот внутри унялся – будто услышал что-то важное. Болтон чувствовал его как пульс, как дыхание. Не чужое – своё. Слияние второго порядка продолжало углубляться, и вместе с ним менялась сама ткань мыслей.

И где-то в глубине, на самом краю сознания, зазвучала тихая фраза Хранителя:

«Выбор – это не пересечение дорог. Это то, что ты унесёшь дальше.»

Болтон закрыл глаза и впервые за долгие месяцы почувствовал странное спокойствие.

Он знал: всё только начинается.

Глава 26. Дребезг

Ночь была на редкость спокойной. Даже дежурный робот-автомат по имени Янус 3145 записал в журнал дежурного по роте: «Обстановка нормальная. Тревожных факторов не выявлено.»

В 03:14 стандартного времени что-то мигнуло. Вспышка, но свет от нее не распространился, а собрался в световой пучок.

Ощущение инверсии времени. Вначале Болтон подумал, что проснулся не до конца – тени в казарме были как двойные, словно всё происходило дважды.

Но следующую секунду – взрыв.

Казарма задрожала. Окна пошли рябью. Несколько курсантов вскочили с криком – из стены уже лезли вражеские дроны. Они были слишком быстры, словно двигались вне времени.

Болтон не думал – метнулся к сержанту.

– Временная модуляция! – прокричал он, – Они дали дребезг по оси времени!

Сержант, с полусна, уже тянулся к ботинкам.

– Объясни как для дебила!

– Сдвиг по фазе. Они наложили синусоиду на ось времени – примерно 0.2 герца. Мы в одном моменте, они – в двух сразу. Прицелиться невозможно. Но есть способ...

Бежать пришлось через зону боестолкновения. Болтон сбил дрон плечом, сержант добил его ударом ноги. У оружейной комнаты – автоматическая турель, сбита – курсантами в панике. Болтон рванул наружу кабель ручного открывания оружейной комнаты и ввел код.

Дверь открылась. Курсанты хватали оружие. Бой начался.

Первый час – хаос.

Враг появился сразу в двух местах.

Погибли трое наших.

Один не успел уклониться от вражеского дрона.

Второй стрелял между «двойниками» – пуля срикошетила, отскочив от стальной двери.

Третий погиб от взрывной волны.

Болтон стоял у стены и смотрел. Не в глаза врагу – в дрожь, в рябь.

Потом он понял: если адаптировать визуальные сенсоры и замедлить обработку потока, можно «поймать» фазовую стабилизацию.

– У кого стереозрение усилено?! – крикнул он.

– Я!

– Смотри на рябь – не целься, ищи синус. Где она стабильна – туда стреляй.

Началась контратака.

Развязка

Через двадцать минут по закрытому каналу связи Болтону поступил вызов.

Хриплый голос – из Центра подавления временных возмущений:

– Болтон?

– Я.

– Молодец. Уже знаем. Вот параметры фильтрации – передай сержанту. Мы отправляем временные импульс-ловушки. Держитесь.

Через полчаса всё закончилось.

Курсантов пересчитывали. Живых – 72 из 88.

Сержант, с окровавленной рукой, живал стикс прямо в коридоре.

Болтон сидел на полу у лестницы, глаза блеснули в полумраке, он был измотан, но ясном рассудке.

– Чёрт. – выдохнул сержант. – Если бы не ты...

Он не договорил. Просто сел рядом.

Где-то в небе гудели корабли перехвата – врага больше не было. Он сторел на обратной петле времени пытаясь отступить.

Глава 27. Прощание с Училищем

Плац был идеально ровным – после недавнего боя его вычистили до блеска, будто здесь никогда не звучали выстрелы и не умирали люди. Асфальт сиял в холодном свете прожекторов. Казалось, будто сама земля скрыла следы крови, но в воздухе всё ещё стоял привкус железа, смешанный с гарью недавнего пожара.

На плацу выстроились курсанты. Ещё недавно они спорили о допуске к интерфейсу, менялись учебными конспектами и тайком пили синт-чай в казармах. Теперь это были бойцы – с обожжёнными руками, с повязками на лицах, со шрамами, которые останутся с ними навсегда. Ряды были неровными, но в этой неровности чувствовалась правда: каждый уже побывал в бою и вернулся изменённым.

В центре строя стояли Болтон и сержант Дракс. Неподвижные, как штыки, они ощущали не только холодный ветер, но и напряжение, которое связывало всех присутствующих в единую линию.

В небе загудел двигатель. Приземлился чёрный челнок с золотым гербом штаба Центрального командования. Полированная поверхность корпуса отражала прожекторы, словно зеркало, в котором каждый курсант видел собственное будущее.

Шлюз открылся. Из тени вышел генерал Шрейн. Легенда Тау-Сектора. Его лицо пересекали глубокие шрамы, каждый из которых был старше любого курсанта. Глаза – свирепого буйвола, тяжёлые, прожигающие насквозь. В них можно было увидеть всю свою жизнь: от детского крика до последнего вздоха на поле боя.

Генерал остановился перед строем. Долго молчал. Ветер развеивал полотнище флага, бил по лицам, трепал плащи офицеров штаба, но никто не шелохнулся. Казалось, само время замерло, в ожидании его слов.

– Я не люблю говорить, – начал Шрейн наконец. Его голос был низким, гулким, будто камень скатывался по склону. – Потому что каждое слово тратит время. А сейчас его нет.

Он сделал паузу и провёл взглядом по рядам. Никто не смел дышать громко.

– Враг прорвал линию обороны в секторе Хрондлак, – продолжил он. – Они идут прямо к Сердцу Федерации.

У многих в груди что-то дрогнуло. «Сердце Федерации» – это было не место, а символ. Если его потерять – всё остальное рухнет, как карточный дом.

– Мы думали, у нас есть год. – Шрейн выдержал паузу, и его глаза остановились на Болтоне. – Остался месяц.

Слова повисли в воздухе, холодные, как приговор.

– Поэтому, – генерал чуть сжал губы, – никаких церемоний.

Офицер в белом мундире шагнул вперёд с кейсом. Металлические застёжки щёлкнули, словно выстрелы. Голос его был сухим, безэмоциональным:

– Личности сверены. Ранги назначены.

– Курсант Болтон – майор.

– Сержант Дракс – полковник.

– Остальные – согласно протоколу №47-Б.

Слова звучали, как удары молота. Знаки различия проступали прямо на погонах: ткань дрожала и перестраивалась, высвечивая новые символы власти и ответственности. Кто-то дрожал. Кто-то глотал слёзы. У кого-то на лице проступала гордость, у кого-то – страх. В этот миг каждый понимал: он перестал быть курсантом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.